

ХУДОЖНИК ИВАН БИЛИБИН

Вернуться, чтобы погибнуть

Это рассказ о художнике-иллюстраторе русских народных и пушкинских сказок, театральном художнике Иване Яковлевиче Билибине, творившем в блокадном Ленинграде (1876–1942 гг.) Живописец возвращал России ведическую Русь, сохраняя для будущих поколений код

русского духа, историческую память народа. Художник воевал с фашистами грозным оружием живописца – колонковой кистью.

Всеми забытый художник, прославлявший подвиги былинных героев – богатырей, святых князей и легендарных полководцев – освободителей земли русской, И.Я. Билибин остаётся на задворках русской культуры. А ведь это он напоминает нам: откуда пошла земля русская? Его уникальное творчество не представлено ни в Москве, ни в одном крупном музее страны. Его работы не знают те, кто в них больше всего нуждается – дети.

Зима 1941/42 гг., мороз минус сорок, обстрелы, пожары и тысячи смертей от голода и бомбёжек. Череда самых трагических и самых мужественных девятьсот дней блокады. Пустынные улицы, заметённые снегом, промерзшие остовы разрушенных домов, безжизненно висящие провода, намертво вмёрзшие в обледеневшие сугробы троллейбусы и трамваи. Нет хлеба, света, тепла. Блокада была сознательно нацелена на полное вымирание жителей Ленинграда. Вражеская авиация сбрасывает на город тысячи фугасных бомб, чтобы вызвать массовые пожары, уничтожить запасы продовольствия. Полыхали Бадаевские склады. Пожар был грандиозным, тысячи тонн продуктов сгорели, расплавленный сахар растекался, впитываясь в землю. Люди ковшами и вёдрами собирают сладкую землю. Потом отстаивают в воде. Эта вода стала последним воспоминанием о сладостях. От пайка хлеба в «125 блокадных граммов с огнём и кровью пополам» (Ольга Берггольц) зависела человеческая жизнь, да и не был он вовсе хлебом, а липким месивом, сделанным из мучных отходов и примесей. Были дни, когда хлеба не было вовсе. В

блокадном кольце оказались и войска Ленинградского фронта, солдатская норма хлеба составляла 400 граммов. И всё!

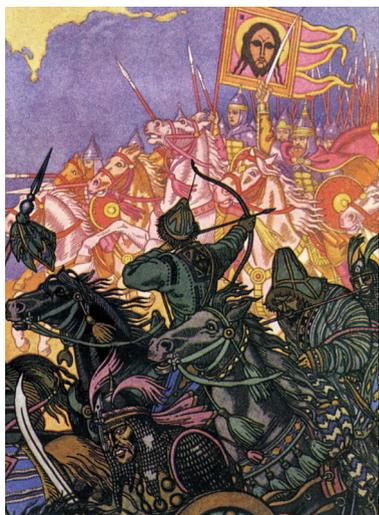
У 66 – летнего живописца И. Я. Билибина была возможность покинуть родной город, но он отказался: «Из осажденной крепости не бегут – ее защищают», – говорил «Иван – железная рука». Иначе он поступить не мог. Это человек, который ещё недавно в Париже на предложение – сменить не престижное русское имя Иван и непонятную фамилию на французские, ответил, что за имя Иван, как за знамя, сражаются и умирают.

Улица Герцена, 38. В промерзлых комнатах Дома ленинградского Союза художников идёт напряженная жизнь. По углам стоят топчаны, топится печь «буржуйка», горят коптилки. Слабое пламя выхватывает из тьмы худые лица художников. В ушанках и валенках, укутанные шарфами, – они здесь живут, спят, творят, куют оружие победы. Руки в перчатках с трудом держат кисти, замерзшие краски отогреваются дыханием.

Уже немолодой, Иван Яковлевич жестоко бедствовал. Крошечный кусочек хлеба не спасал от голода, нужны были силы, чтобы творить и передавать многолетний опыт студентам – будущим живописцам. До последнего дня неутомимый труженик воевал с ненавистным врагом на своём боевом посту – у мольберта с колонковой кистью. Художники используют различные кисти: беличьи, барсуковые, медвежьи. Художник Билибин работал колонковой. (Колонок – это помесь хорька, куницы и норки одновременно. В природе этих зверьков очень мало, и потому кисточки из ворса хвоста самца, пойманного зимой, считаются наиболее ценными).

В подвале Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, где художник преподавал, остались незаконченные его работы, среди которых «Русские витязи гонят рыцарей». Во время налетов вражеской авиации всемирно известный живописец дежурил на чердаке, тушил «зажигалки», спасая от пожара картины, которые хотел оставить России. Незавершёнными остались эскиз «Ледовое побоище» и иллюстрация к былине «Дюк Степанович».

«Иван – железная рука» умер от истощения 7 февраля 1942 года на руках у жены в больнице при Всероссийской Академии художеств. Его супруга – художница А.В. Щекатихина-Потоцкая сумела пережить блокаду. Она закончила рисунок с изображением Александра Невского, – это был его любимый герой. Похоронен И.Я. Билибин в братской могиле профессоров Академии художеств возле Смоленского кладбища.

О русском художнике, графике, этнографе Иване Яковлевиче Билибине вспомнили в его 140-летний юбилей со дня рождения. Летом 2017 года энтузиасты организовали в Москве в музее «Царицыно» выставку его работ. Зрителей встретили известные старшему поколению по книжкам из детства рисунки художника: Царевна-Лягушка, Золотой петушок, Баба-Яга, Кощей Бессмертный, Змей-Горыныч, Василиса Прекрасная, Иван-царевич и Жар-птица, Садко, Морозко, царь Салтан, Марья Моревна, сестрица Алёнушка, былинные герои – богатыри. Нашлось место плакатам времён Великой Отечественной войны, святым князьям Александру Невскому, Дмитрию Донскому, Борису и Глебу, которые стучат в окошко Илье Муромцу – будят его на борьбу за освобождение Руси от неприятеля. Выставка «Иван Билибин. Процветшее древо» собрала книги сказок, рисунки, открытки, почтовые марки, плакаты, афиши, календари, его трудами выполненные. Представлены театральные костюмы, декорации к спектаклям: «Сказка о царе Салтане», «Полководец Суворов», иллюстрации к роману А.Н. Толстого «Пётр I», к

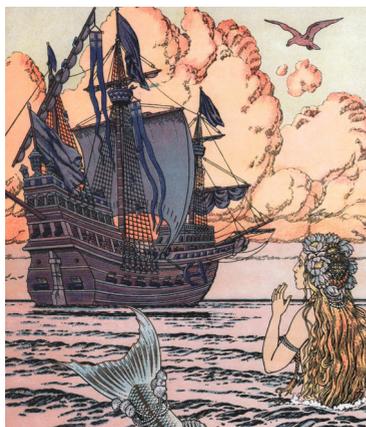
«Песне про купца Калашникова» М. Лермонтова. В выставочных залах разместились предметы, ставшие источником его вдохновения: народный костюм, вышивка скатертей, полотенец, древнерусская икона и старопечатная книга, раскрашенная деревянная и глиняная посуда, игрушки, ларцы, кружева, пряничные доски, резьба по дереву, прялки. Уникальные орнаменты Иван Яковлевич ещё до революции привозил из этнографических экспедиций по русской глубинке.

Где хранится золотой фонд русского искусства И.Я. Билибина?

Он расположился в Ивангороде Ленинградской области на границе с Эстонией. Небольшую часть работ: «Сказка о золотом петушке» ещё до революции приобрела Третьяковская галерея. Русский музей Александра III купил иллюстрации к «Сказке о царе Салтане». И всё! Основная часть произведений: декорации, маски, костюмы к спектаклям, операм и балетам где-то растворилась, часть осталась за рубежом. Какова их дальнейшая судьба? Какие-то утеряны, какие-то оказались в коллекции Сергея Дягилева. После его смерти были распроданы на аукционе в Англии. Самые большие приобретения сделал Национальный музей Австралии, где почитают русское балетное и музыкальное искусство. И только малая доля собрана в Ивангородском музее.

Почему золотой фонд русского искусства Ивана Билибина находится в Ивангороде, а не в Эрмитаже, Третьяковке или в Русском музее? – там, где ему самое место. Думается, после кровопролитной Отечественной войны нам было не до сказок. Возможно, Билибину не простили 16-летней эмиграции. Наследством распорядился приёмный сын И.Я. Билибина – М. Н. Потоцкий – почетный гражданин Ивангорода и основатель музея. Он рассказывал, что еще в Париже он часто слышал разговоры между отчимом и писателем Александром Куприным об Ивангороде. Они там не раз бывали и любили этот город. Собрание Ивана Билибина и его жены Александры Щекатихиной-Потоцкой сын передал в дар краеведческому музею. Мстислав Николаевич и потом делал подарки, пополняя фонды музея. Традицию продолжила его супруга, а затем их приемный сын – Илья Кокошкин.

Почему Иван Яковлевич покинул советскую Россию? Русский живописец – сказочник не принял пролетарскую революцию 1917 года. Может быть, он сочувствовал белогвардейцам? Нет. Он мечтал о процветании великой России. Первое время художник обитает в британском лагере для беженцев под Каиром, ведёт нищенское существование, живёт случайными заработками. Но и здесь он остаётся русским художником. По его эскизам в Каире и Александрии расписали русский и

сирийский храмы. Затем перебрался в Париж к товарищам по университету Сергею Дягилеву и Александру Бенуа, которые собирали вокруг себя творческую эмиграцию. Вскормленные на многовековой традиции, сумевшие сохранить принадлежность к русской цивилизации, невольные «пилигримы» распространяли русскую культуру за рубежом. «Я русский националист и очень люблю Россию, – говорил мастер русской сказки, – Я люблю также и всех тех, кто любит Россию, русскую культуру. Национальное есть мощь народа, если оно основано на любви к лучшим духовным проявлениям нации».

В эмиграции для художника наступило плодотворное время: он готовит эскизы театральных костюмов, масок, оформляет декорации к постановкам русских опер, к балетным спектаклям для труппы Анны Павловой. Большую популярность приобрели его работы к операм «Сказка о царе Салтане», «Сказание о граде Китеже и девице Февронии» Н.А. Римского-Корсакова, «Князь Игорь» А.П. Бородина, «Борис Годунов» М.П. Мусоргского. Иван Яковлевич создаёт икону «Святой равноапостольный князь Владимир». Творчество Билибина получило всемирную известность, он был востребован, женился. Что ещё надо для счастья? Но душа его тосковала по русской глубинке, художник скучал по той самой России, которую безмерно любил. Он готов был примириться с советской властью, лишь бы прикоснуться к живительным истокам вдохновения.

Что побудило Билибина вернуться в голодную Россию, в которой свирепствовали репрессии? Возможно, знакомство с Владимиром Потёмкиным – послом СССР во Франции. В советском посольстве в Париже художник создал монументальное панно «Волга Святосла-

вич и Микула Селянинович». Посол стал хлопотать о возвращении Билибина на Родину. На теплоходе «Ладога» В 1936 году Иван Яковлевич с супругой и приёмным сыном прибывает в родной город на Неве. Сказочная тематика творчества художника не представляла опасности для молодой республики. И советская власть щедро его одарила: он получил место профессора графической мастерской ИЖСА в Ленинграде, став доктором искусствоведения, преподавал во Всероссийской Академии художеств, работал как иллюстратор книг и художник театра.

Иван Яковлевич с молодых лет отмывал «вандальски искалеченную Русь»... Всего этого могло бы не случиться, если бы отец Ивана Яковлевича, помощник главного доктора морского госпиталя, не настоял на поступление сына на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1896 года Иван Яковлевич овладевает основами права и в 1900 году заканчивает университет. Каково же было удивление педагогов, когда на юридическом факультете собралась компания студентов, влюблённых не в юриспруденцию, а в живопись: Александр Бенуа, Мстислав Добужинский, Сергей Дягилев, Николай Рерих, Иван Билибин. Всё свободное время товарищи проводили в поиске новых средств изобразительного искусства. Это люди, определившие взрыв русской культуры в начале XX века. Похоже, надо радоваться, что они не стали юристами, иначе мир потерял бы великих художников и театральных деятелей.

Одновременно Иван Билибин обучался живописи в Мюнхене, затем несколько лет занимался в мастерской у Ильи Репина, которого боготворил. Однажды молодой художник случайно приезжает в деревню Егны Весьегонского уезда Тверской губернии. Восхищение от увиденного в русской глубинке перевернуло всю его жизнь, он стал вечным приверженцем древнерусского искусства. Здесь он создает иллюстрации к своей первой книге «Сказка о Иван-царевиче, Жар-птице и о Сером волке».

По заданию этнографического отдела Русского музея Билибин побывал в разных уголках страны и был поражён. Вот его впечатления: «Только недавно открыли, точно Америку, старую художественную Русь, вандальски искалеченную, покрытую пылью и плесенью. Но и под пылью она была прекрасна, так прекрасна, что вполне понятен порыв открывших её – вернуть! Вернуть!». Вся жизнь живописец сдувал пыль и смывал плесень с русского народного художественного творчества. Одновременно Иван Яковлевич проявил себя как учёный – этнограф: он создаёт фотоархив деревян-

ной архитектуры и везёт в Петербург набойки, кружева, прялки, посуду, ларцы, вышивки.

Усердно практикуясь в живописи, художник достиг такого совершенства, что получает от коллег прозвище «железная рука». Ему подражали, но достичь такого уровня мастерства не могли. Выходят в свет сказки Пушкина с иллюстрациями Ивана Билибина: «Сказка о Царе Салтане», «Сказка о Золотом Петушке». Издана былина «Вольга», затем сказки Рославлева. В театре Зиминой в Москве представлена опера «Золотой Петушок», затем «Садко» Н.А. Римского-Корсакова, «Руслан и Людмила» М.И. Глинки, оформленные Билибиным. Так Иван Яковлевич стал признанным театральным художником. Одновременно с этим он рисовал обложки книг для детей, иллюстрации, обрамлённые старинными орнаментами. Большое значение уделял древнерусскому шрифту, стилизованному под старинную рукопись. Названия и заглавные буквы исполнял славянской вязью. Всю жизнь художник Билибин служил русской сказке.

Сказка в жизни ребёнка имеет огромное познавательное и воспитательное значение. Именно в детстве формируется характер ребёнка, усваиваются основы морали. Как просто и понятно объяснить ребёнку ценность культурных традиций своего народа? Эту функцию замечательно выполняет русская сказка и былина. Старинное народное творчество формирует представление о добре и зле, учит состраданию, милосердию, раскрывает секреты жизни далёких предков. Народная и пушкинская сказка, как целебная пилюля, успокаивает человека, укрепляет его душу. Не зря врачи рекомендуют детям и старикам читать русские народные сказки на ночь. Там нет надуманного геройства ради личной славы, а есть любовь, терпение, доброта, смекалка, взаимовыручка, жертвенность, подвиг во имя всеобщего блага, которые побеждают зло. Сегодня редко читают ребёнку сказки перед сном. Проще включить телевизор или компьютер, где вместо сестрицы-Алёнушки, Ильи Муромца или Садко на ребёнка смотрят вампиры, убийцы, уродцы и всякая нечисть, разрушающие душевное здоровье. Коллективное чтение сказок укрепляет семью, создаёт атмосферу уважения и доверия. Многовековая народная память не позволяет человеку отрываться от своих корней, питает его душу, укрепляет волю, насыщает уверенностью в себе и в будущем своей страны.

Душа художника Ивана Яковлевича Билибина питалась заповедной Русью. Сказочных дел мастер – певец русской жизни, всю свою жизнь прославлял подвиг русского народа-победителя, любил Россию и умер за неё!

ПОЭЗИЯ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Анна Ахматова. Для славы мёртвых нет...

В октябре 1941 года, когда шли ожесточённые бои за Ленинград, когда кольцо блокады сомкнулось, Анна Андреевна Ахматова сумела вырваться «на Большую землю». Она недолго прожила в блокаде, но и этого хватило, чтобы «взорвать» мир до боли пронзительными строками. Один за другим стали выходить её проникновенные стихотворения о стойкости осаждённого города. 8 марта 1942 г. в газете «Правда» напечатано её пламенное стихотворение **Мужество**:

*...Мы знаем, что нынче лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет...*

А следом вышел пронзительный **«Реквием»**:

*...А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!
Да что там имена! Ведь все равно – вы с нами!..
Все на колени, все! Багряный хлынул свет!
И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами –
Живые с мертвыми: для славы мертвых нет...*

1942 год

Ольга Берггольц. Блокадная муза

Говорят, когда гремят пушки, музы молчат. Но в Ленинграде музы не молчали. Единственной связующей нитью с миром было ленинградское радио. Уверенные голоса дикторов радио спасали от страха и отчаянья, облегчали страдания людей. По радио звучала музыка, стихи, рассказы воен-

ных корреспондентов о подвигах солдат и матросов. В осаждённый город приходили известия о победе советских войск под Москвой, потом под Сталинградом, потом под Курском... Может быть, именно это помогала городу выжить и победить, показать всему миру небывалую высоту человеческого духа.

Ольга Берггольц – поэтесса, радиожурналистка. Это ей принадлежат слова: «125 блокадных граммов с огнём и кровью пополам», это её слова: «Никто не забыт, ничто не забыто» начертаны на могиле неизвестного солдата в Москве. После яростных налётов вражеской авиации ленинградское радио замолкало. Когда молчало радио – наступало самое трудное время. Но когда удавалось восстановить связь, вновь звучал ободряющий голос Ольги Берггольц: «Граждане и гражданки, братья и сёстры, держаться, во что бы то ни стало, держаться!»

Ленинградцы любили Ольгу Берггольц, её голос хорошо знали, выступления по радио с нетерпением ждали. Голос «блокадной музы» источал небывалую энергию. Ленинградцы удивлялись, откуда в этой хрупкой женщине столько жизнелюбия и душевных сил? Её репортажи с фронта, её стихи входили в замерзшие дома, вселяли надежду, с ней отождествляли веру в победу. И жизнь продолжала теплиться: «Товарищ, нам горькие выпали дни, Грозят небывалые беды, Но мы не забыты с тобой, не одни, – И это уже победа!». (О.Б.) Не случайно германские фашисты внесли Ольгу Берггольц в черный список людей, которые первыми будут расстреляны при взятии города.

Порой казалось, что с горожанами беседует человек, полный сил и здоровья, но Ольга Берггольц, как и все ленинградцы, существовала на голодном пайке. 1941–1942 годы были для Ольги Фёдоровны самыми тяжёлыми: на её руках умер от голода муж Николай Молчанов, – автор стихов «Утро красит нежным цветом/Стены древнего

Кремля...», незадолго до этого она потеряла двух дочерей и сына, сослан в красноярскую ссылку отец хирург Берггольц как «опасный элемент». Но всегда «блокадная мадонна» была лучиком надежды. «Ленинградская поэма» принесла поэтессе всеобщую славу и любовь. Строки её стихов высечены на мраморной стеле Пискарёвского мемориального кладбища, где покоятся 500 тысяч погибших.

*Я говорю с тобой под свист снарядов
Угрюмым заревом озарена.
Я говорю с тобой из Ленинграда
Страна моя, печальная страна...
...ни слёз, ни радости, ни страсти.
Перед лицом твоим, Война,
Я поднимаю клятву эту,
Как вечной жизни эстафету,
Что мне друзьями вручена.
...Да, мы не скроем: в эти дни
Мы ели землю, клей, ремни;
Вставал к станку упрямый мастер,
Чтобы точить орудий части,
необходимые войне...*

Медаль

*...Война еще идет, еще – осада.
И, как оружие новое в войне,
сегодня Родина вручила мне
медаль "За оборону Ленинграда".*

3 июня 1943

Песня о ленинградской матери

*...На бранный труд, на бой, на муки,
во имя права своего,
уходит сын, целуя руки,
благословившие его.*

*И, хищникам пророча горе,
гранаты трогая кольцо, –
у городских ворот в дозоре
седая мать троих бойцов.*

20 августа 1941

Стихи Ольги Берггольц – это летопись блокады, это символ непокорённого города.

Сергей Орлов.

Его зарыли в шар земной...

Сергей Сергеевич Орлов не был блокадником, он воевал за Ленинград. Родился 22 августа 1921 года в селе Мегра (ныне Вологодской области). Отец и мать были сельскими учителями. Стихи писал с детства. Его стихотворение «Тыква» отмечено на Всесоюзном конкурсе стихов школьников в 1938 году. Оно было приведено в статье К.И. Чуковского в газете «Правда», а также четыре строчки из него детский писатель поместил в своей книге «От двух до пяти». Печатался в районной газете. В 1940 году поступил на исторический факультет Петрозаводского университета. В начале Великой Отечественной Войны вступил в истребительный батальон народного ополчения Белозерска, составленного из студентов-добровольцев. Затем его направили в Челябинское танковое училище. Воевал на ленинградском фронте. Стихи печатал в армейской газете. Ужасы блокады испытал на себе – линия фронта проходила по улицам города, понять: где фронт, где тыл, было трудно. Воины ленинградского фронта, окружённые неприятелем, голодали вместе с горожанами. 17 февраля 1944 года едва не сгорел заживо в танке, следы от ожогов остались на лице на всю жизнь, он их маскировал пышной причёской и бородой. После лечения в госпитале жил и работал в Ленинграде. Вторая книга стихов называлась «Третья скорость». Он окончил Литературный институт им. А.М. Горького, входил в состав правления Союза писателей РСФСР, заведовал отделом поэзии в журнале «Нева», был членом редколлегии журнала «Аврора». Совместно с Михаилом Дудиным написал сценарий фильма «Жаворонок», посвящённый подвигу танкистов, оказавшихся в плену на территории Германии. Затем член секретариата правления Союза писателей РСФСР, переехал в Москву. Позднее поэт стал членом комитета по присуждению Ленинских и Государственных премий. Книга «Костры» вышла после его смерти. Умер в Москве 7 октября 1977 года. Похоронен на Кунцевском кладбище. Именем Сергея Орлова в Вологде названа одна из центральных улиц.

Награждён орденами: Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, медалями: «За

оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» В 1974 году ему вручили Государственную премию РСФСР имени М. Горького за книгу стихов «Верность».

Невероятной силы стихотворение «Его зарыли в шар земной» стало классикой. Первая его строка высечена на гробовой плите поэта.

Его зарыли в шар земной

*Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолей земля –
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжёлые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...*

В стихотворении, посвящённом подвигу танкиста, он пишет:

*... Учила жизнь сама меня.
Она сказала мне, –
Когда в огне была броня
И я горел в огне, –
Держись, сказала мне она,
И верь в свою звезду,
Я на земле всего одна,
И я не подведу.
Держись, сказала, за меня.
И, люк откинув, сам
Я вырвался из тьмы огня –
И вновь приполз к друзьям...*

Жертвам блокады, покоящимся на Пискаревском мемориальном кладбище, поэт посвящает стихотворение:

*...С тех пор обязан жизнью город
И ратной славою своей.
Все то, что было, – с ними рядом.
Им кажется – еще вчера
На Невском падали снаряды,
Звенели в небе «мессера»,
В снегу по пояс шла пехота,
Жизнь хлебным мерилась пайком,
Но им не то что нет охоты
Сегодня вспоминать о том,
А нечего добавить словом
К молчанью павших дорогих,
Где снег, не ведая о славе,
Летит из года в год на них.
В соседях ближних, в землях дальних
Сильнее слов любых гремит
Молчание мемориальных
Гранитных пискаревских плит.*

Поэзия блокадного Ленинграда – это обвинительный приговор фашизму и предупреждение об опасности его возрождения.

Юрий Воронов.
Время не властно

Юрий Петрович Воронов (13.01.1929 – 5.02.1993) родился в Ленинграде. Ему было 12, когда началась война. Как и все дети – сбрасывал зажигательные бомбы с крыш домов, участвовал в субботниках по расчистке улиц.

После войны его творческая биография сложилась успешно. Он прошёл большой профессиональный путь от редактора ленинградской газеты «Смена» до ответственного секретаря правления Союза писателей СССР. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета, работал секретарем Ленинградского обкома ВЛКСМ,

затем главным редактором газеты «Комсомольская правда», ответственным секретарем газеты «Правда», главным редактором журнала «Знамя», главным редактором «Литературной газеты». Народный депутат СССР, награждён орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, многими медалями, в том числе «За оборону Ленинграда». Лауреат премии им. В. Воровского, Государственной премии РСФСР. Пронзительная блокадная поэзия занимает главное место в его литературном творчестве.

*...За воем сирен –
Самолёты в ночи.
За взрывом –
Завалы из щепня и лома,
Я цел.*

*Но не знаю ещё,
Что ключи
В кармане –
Уже от разбитого дома.*

Трое

*...Я к ним подойду. Одеялом укрою,
О чём-то скажу, но они не услышат.
Спрошу – не ответят... А в комнате – трое.
Нас в комнате трое, но двое не дышат.
Я знаю: не встанут. Я всё понимаю...
Зачем же я хлеб на три части ломаю?*

Мёртвые

*Мне кажется: когда гремит салют,
Погибшие блокадники встают.*

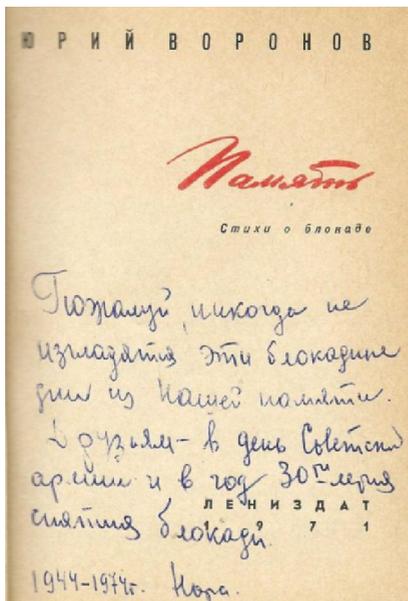
*Они к Неве по улицам идут,
Как все живые. Только не поют.*

*Не потому, что с нами не хотят,
А потому, что мёртвые молчат.*

*Мы их не слышим, мы не видим их,
Но мёртвые всегда среди живых.*

*Идут и смотрят, будто ждут ответ:
Ты этой жизни стоишь или нет?...*

Обстрел

*... Опять фанера хлопнула в окне,
И старый дом от взрыва
закачался.
Ребёнок улыбается во сне.
А мать ему поёт о тишине,
Чтоб он её потом не испугался.*

*...Время – лекарь.
И эту роль повторяет оно
со всеми.
Но бывает людская боль,
Над которой не властно время.*

Память

*Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память –
наша совесть.
Она как сила нам нужна.*

Поэзия детей блокадного Ленинграда

Анатолий Владимирович Молчанов. Блокады острые осколки

*«Через мины измен, демагогии
дым /Я несу эстафету от мёр-
твых живым», – в этом видел
своё предназначение блокадник,*

океанолог, поэт, член союза писателей России А.В. Молчанов (1932–2011 гг.). «Блокады острые осколки» – так называется последняя книга стихотворений Анатолия Молчанова – известного поэта, прозаика, актёра, режиссёра, заслуженного деятеля искусств РФ,

создателя театра «Мы из блокады». Острыми осколками, навечно застрявшими в душах людей, называет Анатолий Владимирович блокадные стихи. Будучи ребёнком, Анатолий совершил подвиг, за что был награждён медалью «За оборону Ленинграда».

Анатолию шёл десятый год, когда началась война, он родился в 1932 году в Ленинграде. На блокадную пору пришлось обучение в начальной школе. Среди двадцати его книг особое место занимают книги о блокаде. Почему Анатолий Владимирович Молчанов много места в своём творчестве отводит блокаде? Потому, что он – дитя блокады. Пережитое в детском возрасте не давало покоя всю жизнь: слишком тяжёлыми и трагичными были эти годы: *«Забывать бы всё это хотелось, / да ноющий шрам не даёт».*

*Всю жизнь стучится в нашу память
Её тревожный метроном.
Она навек осталась с нами
На сердце выжженным клеймом...*

Война застала Толю в пионерском лагере под Лугой. В лагере становилось тревожно: ночами гудели наши и вражеские самолёты. Однажды над головой разгорелся воздушный бой, наш самолёт был сбит, а лётчик спрыгнул с парашютом. Это потрясло детское воображение. Мальчики стали играть в войну и засобирались идти на фронт добровольцами. Воспитателям медлить было нельзя: пока дети и в самом деле не разбежались, всех в срочном порядке погрузили в вагоны и повезли в Ленинград. Тогда ещё никто не знал, какие испытания выпадут на их долю. Дорога в город была утомительной: поезд часто останавливался. На очередной остановке дети высыпали на луг и стали собирать цветы. В это время на бреющем полёте пролетел мессершмит и обстрелял детей. Вдруг откуда-то выскользнул советский «ястребок», он летел, не стреляя – закончились патроны, лоб в лоб он врезался в немецкий самолёт. Обломки горящих самолётов упали на землю. Все были потрясены неожиданным спасением, дальше ехали молча. Кто этот герой? Всем хотелось узнать фамилию советского лётчика, благодаря которому дети остались живы. То, что увидели дети в родном городе, потрясло воображение. Было введено затемнение и светомаскировка, выли воздушные сирены, по сигналу которых надо было бежать в бомбоубежище, горели склады с продовольствием, жилые дома. Окна заклеивались бумагой крест на крест, чтобы не вылетали стёкла. Но это не помогло – стёкла вылетали

вместе с рамами. Окна забивали картоном, досками, было нестерпимо холодно:

*Сквозь дыру в картоне, вместо стёкол вставленном,
Он летел в кровать холодную ко мне,
И меня, ещё живого, белым саваном
Покрывал и согревал блокадный снег.*

Во время налёта вражеской авиации метроном отбивал 150 ударов в минуту, в спокойное время – 60. На улицах всё больше появлялось людей с мешками и чемоданами, люди шли к ж/вокзалам – они торопились эвакуироваться. Стали приходиться похоронки. Ожидался штурм города фашистами, люди готовились к уличным боям. Хлеб выдавался по карточкам. Нормы хлеба ещё не были мизерными, и предусмотрительная бабушка Толика засушила на печке сухарей полотняный мешочек. Эти сухари помогли семье в самое голодное время. 4 сентября 1941 года в Ленинграде разорвались первые снаряды, 6 сентября на город полетели вражеские бомбы, а 8 сентября замкнулось кольцо блокады.

Дом, в котором жила семья Молчановых, находился на углу Большой Московской улицы и Свечного переуллка. Старинный особняк с лепниной и широкими парадными лестницами погрузился во тьму и разрушения в первую блокадную зиму. Люди ходили по обледеленному дому со «светлячком», так называли блестящую,

покрытую фосфорной краской брошь – пуговицу, надетую на одежду. Толику отец подарил такой светлячок, этот значок Анатолий хранил всю жизнь. Занятия в школе начались в октябре 1941 года. Дети сидели в бомбоубежище при «тусклом свете керосиновых ламп, закутанные в разные тряпки. Было нестерпимо холодно. Очень хотелось есть», – вспоминает Анатолий Владимирович. Дети учились «блокаде назло, / даже если замерзали чернила, / если голодом мысли свело, если встать из-за парты нет силы». В школу приносили не только портфель, но и противогаз. Однажды контрольную работу по арифметике писали в противогазе. И вот наступил момент, когда мальчишкам расхотелось играть в войну: она была «в грозные дни со смертью и подвигом рядом». Дети помогали взрослым. Было ли страшно? Конечно, было страшно от грохота падающих зданий, звона разбитого стекла, взрывов снарядов, канонады артиллерийских снарядов и нестерпимой голодной дистрофии. Мальчик стал заикаться. Мама была всё время на работе. Она определила Толе три трудные обязанности. Первая: носить воду из реки Фонтанки на пятый этаж по тёмной лестнице, когда ослабевшие ноги отказываются ходить. Другая обязанность – вырубать топором дрова из-под льда в затопленном подвале дома. Толе это оказалась не под силу. Тогда он вместе с дедушкой стал отбирать книги из огромной личной библиотеки и топить печь. Вместе с книгами горели стулья, табуретки, разбитые шкафы. А третья обязанность: выжить. Если с первой мальчик как-то справлялся, а вторая оказалась не по силам, то выполнение третьей задачи полностью зависело от мамы. Именно поэтому родилось стихотворение «Приказано выжить». Трагизмом, страстью, невероятной силой духа, любовью к матери пронизано это стихотворение.

*Приказано выжить – разведки закон.
Я с этим законом с блокады знаком.
Нет. Я не имел отношения к разведке,
Я в школу ходил – в третий класс семилетки.
И с первой блокадной, голодной зимой
Учился не трусить перед стужей и тьмой.
Грыз чёрный булыжник блокадной науки
И плакал украдкой в мамы руки.
А мама шептала: «не надо, родной,
Не стоит транжирить солёной водой!
А ну улыбнись, Выше нос! Выше! Выше!
Не думать о смерти. Приказано выжить».
«А кто приказал?» – Приказала страна.*

Москва приказала. В нас верит она.
Чтоб нечисть фашистскую вымести, выжечь,
Нам выстоять надо и выжить. Да, выжить!».
Три месяца душат блокадою нас,
И хлебный паёк уменьшался пять раз.
Что дальше сулит метрономное время?
Голодная смерть нависает над всеми...
И вдруг за шесть дней до конца декабря
Во мраке блокады мелькнула заря.
«Вставайте скорее, кто в булочных не был!
Прибавили хлеба! Прибавили хлеба!
Мы будем теперь двести грамм получать!
Да, да, двести грамм, а не сто двадцать пять!
И солнце встаёт караваем в полнеба.
«Прибавили хлеба! Прибавили хлеба!»
Везде голоса с ликованием звенят,
И мама с надеждой целует меня:
«Мы выживем, милый! Мы выстоим, милый!
И фрицев проклятых загоним в могилы!»
Но голод коварный с врагом заодно,
И выжить не каждому было дано.
Всю жизнь и все силы до капельки выжав,
Они умирали, чтоб городу выжить...
Могил пискарёвских внушительный строй.
Неправда, что здесь тишина и покой!
Здесь мёртвые звуки врываются в уши.
Сердца опаляет пожаром минувшим.
А мозг леденит тот блокадный мороз,
И щиплет глаза от непрошенных слёз.
И если послушать, то можно услышать,
Как шепчут могилы: «Приказано выжить!»

Но спасение зависело не только от мамы: 5 декабря 1941 ледовая дорога через Ладожское озеро нанесла первый удар по голоду, – пошли обозы с хлебом. Именно ей – «Дороге жизни», ленинградцы благодарны безмерно:

Она – как легенда, как песня, как знамя,
У этой дороги не будет конца –
Она навсегда пролегла через память,
Навеки прошла через наши сердца.

Дедушка Толя был большим выдумщиком. Накануне нового 1942 года он нарисовал новогоднюю ёлку на стене. На концах ветвей прибил гвоздики, на которые повесил новогодние игрушки. «Нарисованная ёлка словно ожила», – рассказывает Анатолий Владимирович. В коробке с игрушками обнаружился настоящий клад! Это были прошлогодние грецкие орехи, обёрнутые в посеребрённые фантики, конфеты «Мишка на севере» и «Раковая шейка». Любимый праздник вспоминается так: «Тускло горела коптилка, а над ней таинственно отсвечивали стеклянные шары. Ровно в полночь дедушка снял засохшие конфеты и разделил поровну». Однако Толе досталось больше всех: у бабушки вдруг «разболелись зубы». А дедушка незаметно положил конфетку внуку. Вскоре дедушка занемог от голода. Толина мама стала донором, она сдавала кровь и быстро слабела. Донорский хлебный паёк не спас дедушку – он умер в апреле 1942 года, как раз в тот самый день, когда пошли трамваи. Дедушка с нетерпением ждал этот замечательный день, чтобы навестить своих друзей. Не пришлось. После похорон дедушки мама пыталась ещё раз сдать кровь. Но кровь не пошла. Тогда маме дали сладкого чаю, но и это не помогло. Мама вернулась домой, легла на кушетку и больше не вставала. Когда Толя понял, что произошло что-то страшное, он стал сильно кричать, плакать и звать маму. Услышав крик сына, мама вышла из голодной комы и вернулась к жизни.

«Откуда ленинградские женщины черпали сверхчеловеческую волю, поддерживавшую веру в жизнь? – задаётся вопросом Анатолий Владимирович, – Именно эта женская воля вместе с «Дорогой жизни» сберегли жизнь в Ленинграде».

Посвящение святым блокадным матерям:

*Восславим наших матерей –
Простых блокадных женщин.
Их подвиг эрам не стереть,
Он, как Россия, вечен...
Восславим тех, кто нас сберёг
В кашмарной крутоверти,
В аду обстрелов и тревог,
В тисках голодной смерти...
Восславим наших матерей –
Святых блокадных женщин,
России верных дочерей,
Чей подвиг нам завещан.*

О приходе весны 1942 года возвестили не птицы, которых не было в городе, а трамваи. А перед этим все ленинградцы вышли на субботник по уборке улиц. Взрослые долбили ломами лёд, а дети на саночках отвозили куски льда к машине. Ленинград умылся от мусора и нечистот.

Блокадники верили, что страна их не оставит, что «победа будет за нами».

Анатолий Владимирович пишет:

*«Нам лишь бы зиму
пережить», –
Шептали люди, как молитву,
И разгоняя смерть тьму.
Вели свою святую битву.*

Весной 1942 года мама с сыном поехали в подсобное хозяйство выращивать турнепс для жителей Ленинграда. Деревня называлась Дранишники. Толя был очень слаб и не мог работать. Но на свежем воздухе мальчик окреп. Дети успевали не только поработать, но и поиграть,

сходить в лес за ягодами и в гости к военным: рядом проходила линия фронта. Военные встречали ребят приветливо, подкармливали хлебом. Другого ничего не было. К осени вырос солидный урожай турнепса. Толе этот овощ казался очень вкусным, сочным и сладким. Его вкус он запомнил на всю жизнь. Это были «плоды первого блокадного урожая». Мама с Толей вернулись домой, мальчик вновь пошёл в школу.

Летом 1943 года Толя с мамой опять поехали в Дранишники. Здесь произошло страшное событие: в Толю стреляли диверсанты. А дело было так: мальчик пошёл в лес за хворостом и увидел группу военных в советской форме. Они вызывали подозрение: часто останавливались, доставали карту. Толя старался подойти к ним поближе, чтобы услышать, о чём говорят. Военные тоже заметили мальчишку, но стрелять не стали, чтобы не шуметь. Под рёв пролетающего над головой самолёта диверсанты выстрелили в мальчика, чтобы убрать свидетеля. Толя почувствовал сильную боль в коленке. Он упал в яму и закрыл глаза. Диверсанты подошли к яме, выстрелили ещё раз и скрылись в лесной чаще. Когда всё стихло, Толя разорвал рубашку и перевязал раны. Теряя сознание от боли и потери крови, он дополз до воинской части. Лес прочесали, диверсантов поймали, в их рюкзаках оказалась взрывчатка. После излечения командир части вручил мальчику высокую награду. Первого мая 1945 года мать и сын надели дорогие для них медали «За оборону Ленинграда». В школе тоже были успехи: Толя за один год закончил второй и третий класс с отличием. На родительском собрании ему вручили Похвальную грамоту за отличную учёбу.

Вечером 27 января 1944 года Толя вместе с бабушкой смотрел праздничный салют по случаю полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады. Блокада закончилась, но война ещё продолжалась. Немцы стояли в 25 км от города и ещё не раз бомбили.

Первые послеблокадные годы стали самыми счастливыми в жизни ленинградцев. Из распахнутых окон звучала музыка. Послевоенные восторги встреч и обретение новых друзей врачевали испуганные души, возвращали украденное войной детство и доверие к миру взрослых, который перестал воевать и убивать. Это было время великой радости, отсутствия постоянной угрозы жизни, страха потери родителей, угрозы голода и холода, пронизывающего всё тело от головы до кончиков отмороженных пальцев. Открытые душой, доверчивые, пострадавшие в военное лихолетье, дети искренне радовались возрождению к жизни.

Любовь к родному, многострадальному городу Анатолий Владимирович пронёс через всю свою жизнь:

*Я – часть Ленинграда. Я часть его воли.
Упорства и силы, бесстрашья в борьбе.
Я часть его мук, его скорби и боли,
И верности трудной, гордой судьбе.*

*Я – часть Ленинграда. Я часть его славы,
И это почётней всех высших наград.
Пусть дети мои унаследуют право
Считать себя частью твоей, Ленинград.*

После окончания школы Толя учился в ленинградском Гидрометеорологическом институте. Занимался инженерно-строительными изысканиями, стал океанологом, больше 20 лет провёл в экспедициях, но всю свою жизнь боролся за сохранение памяти о великом подвиге советских людей.

Ещё с детства Анатолия увлекло искусство стихосложения, обнаружил в себе и талант сказочника. К 60-летию Великой Победы он выпустил книгу «Кузьма Бебекин в тылу врага», а также сборник очерков для детей о Великой Отечественной войне «Легенды? Нет, это было». С группой равнодушных актёров Анатолий Владимирович создал народный театр «Родом из блокады». В театре играли взрослые актёры и дети, профессионалы и любители. О чём говорили актёры со зрителями? В основу спектаклей были положены личные воспоминания блокадников и защитников легендарного города. Это был рассказ – напоминание о бомбардировках и артиллерийских обстрелах, о голоде и промозглой зимней стуже. Со сцены звучали вопросы: почему война лишила людей привычных условий существования? В чём провинились дети, принявшие на себя взрослые заботы? Это был честный разговор об убитом детстве, о малышах, которых голод превратил в беспомощных стариков с высохшими, сморщенными личиками, которые быстро выросли психологически, но сильно отставали в физическом развитии.

А.В. Молчанов принимал участие на митингах при открытии памятника «Разорванное кольцо», у мемориала «Ладожский курган». Его часто приглашали в школу посёлка Ваганово, где находится Музей Краснознамённой Ладожской военной флотилии, вёл патриотическую работу со школьниками. Однажды он услышал историю героической 101-й батареи. Памятник этой батарее находился на территории детского лагеря. А.В. Молчанов понял, что подвиг этот незаслуженно умалчивается. Более 10 лет он работал в архивах, в результате им была написана книга «Сосновецкий форт на страже Ладоги и Ленинграда». Можно сказать, что это произведение стало лебединой песней Анатолия Молчанова. Библиотечно-культурному комплексу в С-Петербурге, расположенному по адресу: Ленинский проспект, дом 115, присвоено его имя.

Почти сорок лет скрывалась правда о самой продолжительной и самой беспощадной за всю историю человечества – ленинградской блокаде. В кабинетах чиновников Молчанов настойчиво искал правду: *« в оковы взятую, И клеветой распятую, Правду в архивах скрытую, И глубоко зарытую»*. И добивался своего. Он боролся за историческую справедливость, за права блокадников, был одним из организаторов строительства памятника блокадным матерям. Своими книгами, работой в международных и российских организациях ленинградских блокадников Анатолий Владимирович бил в набат во все колокола и призывал помнить, что *«фашизм – это величайшее зло на земле, лишивший людей самого бесценного дара – жизни и здоровья. Злодеяния фашистов должны быть вечным уроком истории, который нельзя забывать и который не должен повториться»*.

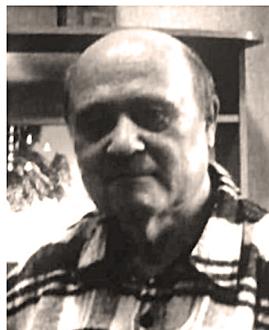
Всю свою жизнь, в стихах, прозе, конкретными делами, на театральной сцене, он следовал делу сохранения памяти о блокадниках и увековечения имён защитников осаждённого Ленинграда:

*«Память моя блокадная
Честная, не плакатная,
Не подведи меня,
Не потеряй ни дня...
Ты не жалей меня,
Память моя блокадная,
Боль миллионикратная
Сердце моё храня,
Ты не жалей меня.*

*Если не мы, то кто же
Правду вернуть поможет –
Правду невероятную,
Страшную, непонятную,
Правду в оковы взятую
И клеветой распятую,
Правду в архивах скрытую
И глубоко зарытую...
Память моя блокадная,
Переживи меня».*

Пётр Георгиевич Войцеховский
житель города Сортавала.
Там в глубине, у роковой черты....

Отец Петра – полярник. Перед самой войной он уехал в экспедицию на Новосибирские острова. Началась война. Георгий Анастасьевич вернулся в Ленинград и работал геодезистом при штабе Ленинградского фронта. Петина мама, Нина Владимировна, училась в Ленинградском универси-

тете. Семья проживала в доме полярников по улице Восстания. Пете тогда было 7 лет, а сестре Леночке – годик.

В июле 1941 года Арктический институт вывез семьи своих сотрудников в Малую Вишеру. Но линия фронта приближалась так быстро, что тыловой город стал подвергаться ежедневным бомбёжкам. Семья Войцеховских вернулась в Ленинград. Пётр помнит, как горели Бадаевские склады, как в небе висела чёрная туча дыма. По придорожным канавам текла струя расплавленного сахара. Люди черпали ковшами, собирали кастрюлями «сладкую» землю. Пете доверялось крутить «сирену» во время воздушной тревоги. Пётр Георгиевич вспоминает, как однажды он увидел потрясшую его картину: фашисты разбомбили госпиталь на Суворовском проспекте, погибло много людей. Здание горело. Медперсонал, жертвую собой, обвязывал раненых матрацами и выбрасывал их в окна.

Света и тепла не было, сидели в темноте с керосиновой лампой. Семья голодала. По карточкам иждивенцев (детей и стариков) обещали дополнительно к 125 гр. хлеба давать рис. Но перебои с хлебом были постоянно. Риса тоже не было. Отчаявшаяся Нина Владимировна осознавала безвыходное положение семьи. И только стакан риса, данный в долг соседкой Бушуевой, спас семью от голодной смерти.

Отец получал на работе скудный обед. Он складывал его в баночку и приносил домой. В марте 1942 года Георгий Анастасьевич умер от истощения.

Дом полярников замерзал. И тогда семью Вайцеховских пригласила к себе жить Наталья Сергеевна Полозова, она была лицевым хирургом в военном госпитале. Так большой семьёй у тёплой буржуйки они встретили новый 1942 год. На улице было больше 30 градусов мороза.

Эвакуация из Ленинграда по «Дороге жизни» была мучительной. Мальчик видел, как уходили под лёд Ладожского озера машины с людьми, как мальчишек из ремесленного училища в тонких шинелях и фуражках везли в открытых машинах. Ребята обморозили лица, руки, ноги. По прибытии их оперировали: вырезали обмороженные места без наркоза. Ребята переносили боль молча. Блокадные потрясения легли в основу стихотворений Петра Войцеховского.

В 1944 году ленинградцы возвращались домой. Вернулись и Войцеховские. Учёбу Пётр продолжил в Ленинградском Нахимовском училище. Работал геодезистом. Многие годы проживал в республике Карелия, городе Сортавала.

Все блокадные поэты посвящают стихи Ладужской «Дороге жизни». Пётр Георгиевич не исключение. Он считает, что блокада и Ладога – это слова – побратимы. Ей, Ладоге, отдают дань памяти благодарные ленинградцы за тысячи спасённых жизней, за тонны снарядов, доставленных на Ленинградский фронт, за хлеб.

Там, в глубине...

*Там, в глубине, уроковой черты
Стоит на дне автобус белосиний,
Свет искажает параллели линий
На рубеже подводной темноты.
Он шёл с детьми и канул в полынью.
Чуть слышимый плеск и звуки повторились.
Со стоном двери мира затворились –
Скажи мне, Ладога, твою ль я воду пью?
Сейчас, когда гуляют по планете
Заботливо укутанные дети,
И мамы гордые с них не спускают глаз...
Пусть не сотрутся в памяти у нас
Сугробы белые и на деревьях иней,
С детьми на дне автобус белосиний...*

Братское кладбище

*Валы земли, могильные валы,
Одетые в холодные граниты –
Под вами кости чисты и белы,
Над вами звезд полуночных зениты.*

*Где были прежде стылые поля
Для тех, чье имя Братская могила,
Холодные объятия земля,
Сопrotивляясь, нехотя раскрыла.
В земную твердь вгрызался аммонал,
Ползли машины тел заледенелых,
Никто над ними слезы не ронял
И не склонял голов, от горя белых.
Немых могил печальные ряды.
Здесь целый мир надежд, желаний, мнений,
Зарыт в земле урок для поколений,
Бездарности и подлости следы.
Закрyты рвы, горит под ветром газ,
Стоят на страже статуи слепые
И снова много, очень много нас,
Мы снова ждем, доверчиво – живые...
От стран чужих сюда несут венки,
У входа караулы каменеют,
А старики, их мало, старики,
Не помня зла, о прошлом сожалеют...*

Ленинград 1979 год.

Иждивенка

*Бредет среди сугробов, наугад,
Живая, вопреки живой природе,
Вокруг заледенелый Ленинград
И Сорок Первый завтра на исходе.
Жена, сестра, племянница и мать –
О ней не пишут с пафосом в газетах,
Но люди не желают умирать
И ждут ее в холодных лазаретах.
Навстречу ей безжалостно течет
Все то, что называется войною.
Идет, никем не принята в расчет –
Ни нашей, ни противной стороною...
Она проходит сквозь снега и дым
На фоне войн и лет, едва виднеясь,
И счет ведет умершим и живым,
Не проклиная, веря и надеясь...*

*А ныне, под привычные слова,
У старой фотографии на стенке
Склоняется седая голова
Великой ленинградской иждивенки.*

Ленинград. 1942 год

Сонет

*Текут часы, вползает холод в дом.
В нем остывают вещи, стены, двери.
Во что и утром верилось с трудом,
К исходу дня, уже никто не верит.
Сочится свет через оконный лёд
И освещает комнату сурово.
Здесь трое ждут, что кто-нибудь придет,
Затопит печь и вслух промолвит слово...
Текут часы. Тревожный метроном
Стучит на замерзающей планете...
Здесь трое ждут. Вползает холод в дом...
Молчит старик, и замерзают дети...
И не понять, кому она нужна
Такая безнадежная война...*

Ленинград, 1942 год

Дети блокады не молоды, да и здоровье уже не то. Но они находят время на общение друг с другом, на встречи со школьниками и молодёжью, чтобы познакомить со своим творчеством, рассказать о величайшей трагедии XX века. Пережившие военное лихолетье считают своим долгом напомнить молодым людям: «Никто не забыт, ничто не забыто».

Поэзия детей блокады – это рассказ о подвиге советского народа, победившего фашизм благодаря духовному единству и сплочённости всех народов нашей страны, это раздумья о судьбах Родины, о национальном достоинстве народа-победителя, о сохранении на века исторической памяти.

Юрий Андреевич Павлухин

Житель города Кирова.

Блокада в сердце вмерзла навсегда

Есть и другая, малоизвестная летопись подвига советских людей – это литературное творчество, не вошедшее ни в какие издания известных авторов, воспоминания детей – очевидцев блокадной трагедии. Среди них поэзия Ю.А.Павлухина.

Непрофессиональная блокадная поэзия – это творчество поэтов, впитавших блокадную трагедию в детстве. Они не были поэтами, они были детьми. Повзрослев, они в поэтических строках донесли до нас боль

своего сердца. Стихотворения написаны по личным воспоминаниям, ощущениям, переживаниям. В их стихах – память, она цепко хранит скорбный опыт самой длительной в истории человечества блокады, когда каждый день был подвигом, где жизнь держалась огромным усилием воли.

Блокадные дети чувствуют себя в неоплатном долгу перед живыми и мёртвыми защитниками города. Напуганные ожиданием смерти, голодом, ужасом бомбёжек, взрывами снарядов, – в своём сознании они на всю жизнь остаются блокадниками. В будущем, став музыкантами, художниками, учёными, военными и общественными деятелями, они продолжали писать стихи. Их жизнь и творчество пронизаны глубокой признательностью за подаренное право на жизнь.

Советских писателей Алеся Адамовича и Даниила Гранина называют блокадными летописцами. Именно они в своей «Блокадной книге» собрали тысячи воспоминаний очевидцев блокадной трагедии: – «Это был особый взлёт человеческих способностей, – писали авторы книги, – Это была пора, когда каждый мог свершить, проявить благородство, раскрыть щедрость своей души, её смелость, любовь и веру».

После почти полувекового молчания о подвиге осаждённого города вновь заговорили. В 1989 году был учреждён Знак «Житель блокадного Ленинграда». Блокадники воспряли духом и приняли это как знак справедливости. Гордость за сопричастность к героическим и трагическим страницам истории привела к созданию региональных

общественных организаций блокадников. Начался расцвет художественного и литературного творчества блокадников. В 1990 году возникла Международная Ассоциация блокадных организаций, в которую входят более 100 городов мира в России, США, Израиле, Австралии и др.

В октябре 1941 года Юраше, как его звали родственники, исполнилось 12 лет. Перед войной он гостил у деда с бабушкой в посёлке Тарковичи в 100 км от Ленинграда. 22 июня мальчик шёл на стадион, но вместо футбола попал на митинг... Началась война. Отца призвали в армию, а мама работала на заводе, где выпускали взрыватели к зенитным снарядам. Юраша остался с мамой «один на один с войной» в коммунальной квартире на 16 линии Васильевского острова, без тепла и света. Наравне со взрослыми подросток обустроивал дворы, разбираал завалы, оборудовал чердаки ящиками с песком, бочками с водой, лопатами, баграми, дежурил на крышах, тушил пожары. Юра добывал промёрзшие дрова, колол их, топил печь. Мальчик вёл дневник, из коротких записей видна общая картина блокады. Он писал, что их комната была похожа на дворец Снежной королевы: она вся искрилась инеем. Он отморозил пальцы, когда ходил в 30 – градусный мороз за водой, его чуть не раздавили в очереди за хлебом, которого так и не привезли в тот день... Тяжело заболела мама, а потом слёг и Юра, но уже в марте 1942 года мать и сын вместе с другими работали на субботнике по очистке города. Весной 1942 года учеников стали подкармливать в школьной столовой. Юра так полюбил гороховую кашу, что мечтал есть её каждый день после войны.

Юра научился молиться, он прятался во время бомбёжек и артобстрелов в безопасном месте и просил Пресвятую Богородицу и Николая Угодника, чтобы скорее кончилась война. Среди блокадных реликвий в его семье хранится осколок снаряда, который разорвался в метре от него.

Свой новый поэтический сборник «Блокаду помня, живу» Юрий Андреевич Павлухин выпустил в 2012 году. Что побудило к написанию стихов? Он объясняет так: «Пережитое. И пусть прочитанное явится импульсом потомкам для ознакомления с великим подвигом не только ленинградцев, но и всего с советского народа, спасшего Родину от фашистского порабощения, и по сути, изменившего ход мировой истории».

Вот строки из стихотворений Юрия Андреевича Павлухина:

*...И вот опять невольно оживают
Дни нашей юности в военные года.
Отвлечься хочешь, – ничего не помогает.
Блокада в наше сердце вмерзла навсегда!*

*...Мы были детьми, и мы так её ждали –
Победу над Гитлером в страшной войне.
Обстрелы, бомбёжки убитых видали.
Наш возраст тогда умножался втройне.
Таких испытаний ещё мы не знали, –
Нет света, нет хлеба, вода – на Неве.
В морозных квартирах родные лежали,
Отдавшие жизни в неравной борьбе.
Сжав зубы, в мороз мы за хлебом стояли,
Когда был обстрел, покоряясь судьбе, –
Ведь дома живые родные нас ожидали
В холодной квартире. Молясь о тебе ...*

*...А нам ребятам небольшим, подросткам,
Вначале всё казалось детской игрой,
Пока увидев смерть в глаза, не стали взрослыми,
И поняли: рытье окопов – настоящий бой.*

*...Нас не бросили люди, страна нас спасала,
Вызволяя из страшного смерти кольца.
Стали взрослыми мы, то, что сделали – мало.
Знаем, помним. В долгу перед ней до конца!*

*Хлеб наш насущны,
Даждь нам днесь.
Когда на столе перед тобой он,
Не думаешь, что он есть.*

*...Святые, святые родители наши,
Особенно женщины – память храним,
В войну сохранившие нас, воспитавшие....
Когда же воздвигнем мы памятник им?*

*Памятник, ком в горле стоит...
Московский Парк Победы.
Не мрамор, не вечный гранит
Хранят блокадные беды.
Вагонетка. Никто не ваял
Этот маленький след истории, –
Здесь в сорок втором стоял
Кирпичный завод – крематорий.*

Почему мы победили? – задаётся вопросом Юрий Андреевич и отвечает:

*Жизнь продолжается, идёт за годом год.
Но помним мы военную годину,
Когда за Родину поднялся весь народ
И победил! Тогда мы духом все были едины.*

После войны Юрий Андреевич закончил школу, ленинградский военно – механический институт, работал в воинской части в Ораниенбауме. Затем в ЦКБ «Арсенал», потом на Алтае – в Бийске. В настоящее время проживает в городе Кирове. Имеет детей, внуков. Активный член общественной организации «Жители блокадного Ленинграда».

КОШАЧИЙ ДЕСАНТ

Жители Ленинграда – Санкт-Петербурга трепетно относят к кошкам. Эти пушистые создания спасали людей от нашествия крыс. В страшную зиму 1941–1942 годов умирающие от голода горожане съели всё, даже домашних животных. Поначалу кошководов осуждали, потом оправданий не требовалось, – люди пытались выжить... И тогда Ленинград атаковала «пятая колонна» – крысы. Люди умирали, а грызуны плодились, «человеческие» методы борьбы не помогли. Блокадница Кира Логинова вспоминает: «...тьма крыс длинными шеренгами во главе со своими жожаками двигалась по Шлиссельбургскому тракту прямо к мельнице, где мололи муку. В крыс стреляли, их пытались давить танками, но ничего не получалось: они забирались на танки и благополучно ехали на них дальше. Это был враг организованный, умный и жестокий». За кошку отдавали самое дорогое – хлеб. Л. Пантелеев в

январе 1944 года в блокадном дневнике записал: – «Котенок в Ленинграде стоит 500 рублей» (килограмм хлеба тогда продавался с рук за 50 рублей).

Положение спас кошачий десант, – в 1943 году прибыл первый эшелон из ярославской области. В ожидании кошачьих вагонов люди с вечера выстраивались в длинные очереди, пушистых помощников быстро расхватывали. На первых парах кошки отогнали грызунов от продовольственных складов, но оказалось – этого не достаточно. И тогда была объявлена «кошачья мобилизация». Теперь пушистых помощников собирали в Сибири. Второй «кошачий призыв» прошёл успешно. Многие сами приносили своих любимцев на сборный

пункт. Первым из добровольцев стал черно-белый кот Амур, которого хозяйка принесла с пожеланием «внести свой вклад в борьбу с ненавистным врагом». Петербурженка Татьяна, которой тогда было 12 лет, вспоминает, как на подоконнике кинотеатра увидела кошку с тремя котятами: стало ясно – ленинградцы выживут. Всего в Ленинград было направлено пять тысяч омских, тюменских, иркутских котов, которые с честью справились со своей задачей – очистили город от грызунов.

*Ленинградцы трепетно
относятся к кошкам,
Когда бессильны были
неотложки,
И жизнь людская падала
в цене.
От смерти нас порой
спасали кошки,
Хоть ничего не смыслили
в войне.*

В Петербурге есть памятники, посвященные «мяукающей дивизии». Во дворе одного из домов на улице Композиторов местные жители установили памятник блокадной кошке. На Малой Садовой установлены памятники кошке Василисе и Коту Елисею. Памятники кошкам – это дань уважения тысячам животных, погибших в дни блокады и спасших город от грызунов.

БЛОКАДНЫЕ ИГРУШКИ

Истории игрушек и детей

Два пупса Ира и Юра с печальными глазами были для маленькой хозяйки не просто игрушками, а помощниками в серьёзном занятии: девочка Майя брала любимых кукол в бомбоубежище и шила для них разные одежки: платьица, штанишки, носовые платки, тапочки. Майя Семеновна пережила блокаду и стала модельером. Её куклы Ира и Юра выставлены в музее блокадных игрушек.

Плюшевый Мишка был другом Коли Самусова. Вся семья погибла, Колю вывезли из города, с собой мальчик взял любимого Мишку. Теперь эта игрушка в музее блокадных игрушек.

*Печь-буржуйка совсем остыла.
Стало в комнате холодно слишком.
В целом мире время застыло.
Тихо хнычет мой младший братишка.*

*А вчера также выла сирена,
И кричали на улице люди.
А у мамы сегодня смена,
Значит, хлебушек вечером будет.*

*Брат сжимает в своих объятьях
Мишку с вырванной левой лапой.
Мама в печке сожгла все платья,
А без мишки он очень плакал...*

*Всё закончится скоро, конечно!
Нас спасут, станет всё как надо.
Ведь зима не бывает вечно.
Лишь бы только дождаться маму...*

*Тихо падает старый мишка,
Что с оторванной левой лапой.
Осторожно толкну братишку:
Ты зачем его бросил на пол?*

*Эй, проснись! Возвратилась мама!
Почему ты молчишь, братишка?
... Столько лет прошло, а в кошмарах
Мне всё снится плюшевый мишка...*

(Елена Михайловна Болдырева)

В один из блокадных дней, когда вся семья находилась дома, в соседнее здание по 5-й линии Васильевского острова попала бомба. Взрывная волна была такой силы, что в комнате выбило стекла; осколки летели в маленькую девочку, которая сидела в своей кроватке. Вдруг дверца серванта распахнулась и приняла на себя удар. Все остались живы, а выпавшая кукла Снегурочка стала для одной ленинградской семьи спасительным талисманом.

Катя не расставалась с любимой игрушкой обезьянкой, она всюду носила её с собой. Сначала умерли родители, потом один за другим умерли дети. Когда соседи из-под груды тряпья вынули тело Кати, рядом увидели обледеневшую обезьянку с откусанной лапой. От мороза опилки намокли и разбухли. Ими питалась девочка Катя...

СОДЕРЖАНИЕ

Блокадный хлеб	3
Шлиссельбургская магистраль. От Коридора смерти к Дороге бессмертия	14
Дети блокадного Ленинграда	
Амлочка Платонова.....	24
Нелличка Потёмкина (Шмелёва).....	34
Людочка Юхневич (Тервонен)	41
Чудом спасённая девочка Верочка	46
Детский дом в блокадном Ленинграде. По воспоминаниям Магаевой Светланы Васильевны	47
Блокадные мамы. Семья Касатоновых, Платоновых, Михайловых, Соловьёвых	62
Блокадная летопись семьи Чистяковых	72
Блокадная медсестра Назарова Валентина Степановна	80
Почему не съели бегемота. Как спасали зоопарк	90
Дмитрий Шостакович. Музыка, которая приближала победу.....	96
Художник Иван Билибин. Вернуться, чтобы погибнуть	104
Поэзия блокадного Ленинграда	
Анна Ахматова.....	111
Ольга Берггольц	112
Сергей Орлов	114
Юрий Воронов	116
Поэзия детей блокады	
Анатолий Молчанов	118
Пётр Войцеховский	127
Юрий Павлухин	132
Кошачий десант	136
Блокадные игрушки	138

ДМИТРИЙ ШОСТАКОВИЧ

Симфония, которая приближала победу

Седьмая (Ленинградская) симфония Дмитрия Дмитриевича Шостаковича осталась в летописи Великой Отечественной войны как свидетельство несокрушимости русского духа. Прошло много лет, а симфония и по сей день актуальна. 21 августа 2008 года в развалинах Цхинвала в Южной Осетии оркестр Мариинского театра под руководством Валерия Гергиева исполнил первую часть легендарной симфонии, была организована прямая трансляция по многим российским и зарубежным каналам и радиостанциям. 5 мая 2016 года героическая симфония звучала в руинах древнего амфитеатра сирийской Пальмиры. Связь времён продолжается...

Перед нами пожелтевшая фотография, сделанная 9 августа 1942 года в осажденном фашистами Ленинграде. На ней: афиша, которая сообщает о том, что в Филармонии состоится первое исполнение Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича, дирижёр – К.И. Элиасберг. Ленинградцы уже слышали по радио об этой симфонии: её первое исполнение состоялось в Куйбышеве, куда эвакуировался

<p>СОСТАВ СИМФОНИЧЕСКОГО ОРКЕСТРА</p> <p>1-е скрипки</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. АРКИН С. А. — солист 2. МАГДУЛИН Д. М. 3. ЛЕВИН С. Д. 4. МИШАЛИН Г. С. 5. ПРЕССЕР А. Р. 6. ПЕТЕР Э. С. 7. ЕРМАНОВ С. К. 8. ГЕРШКОВИЧ А. Д. 9. ПАВЛОВ С. И. 10. ВЕРДИНКОВ В. И. <p>2-е скрипки</p> <ol style="list-style-type: none"> 11. САВЫЛЬЕВ В. В. 12. ОКУЛЬ Х. И. 13. ЗАХАРЧИН А. Л. 14. СЛОВОДСКАЯ С. Б. 15. КАМКОСКАЯ Р. А. 16. ЛЕВИТИН П. И. 17. ФЕДЕСКО Г. Ф. 18. КРЕСИН И. О. <p>Альты</p> <ol style="list-style-type: none"> 19. ВСЕНЯВСКИЙ И. А. — солист 20. ПИРОВСКИЙ И. И. 21. ИТАТКЕАН Э. Д. 22. НАРОВАЛЬСКИЙ А. И. 23. МИХОВ И. И. 24. ЕДИЗАРОВ В. А. <p>Виолончели</p> <ol style="list-style-type: none"> 25. АНАНИН К. М. — солист 26. САФОНОВ А. П. 27. ХРАМОВ Н. В. 28. ШОСТАКОВ И. И. <p>Контрабасы</p> <ol style="list-style-type: none"> 29. ЦЕВКО П. Д. — солист 30. БАРАБАНСКИЙ И. В. 31. КИРГЕШКО Г. Ф. 32. ФЕДОРОВ В. М. <p>Арфы</p> <ol style="list-style-type: none"> 33. ПОКРОВСКАЯ Л. А. — солист 34. ТРИГОРЬЕВ В. Ф. <p>Рояль</p> <ol style="list-style-type: none"> 35. ЕРОНИМОВА Н. Д. <p>Флейты</p> <ol style="list-style-type: none"> 36. ТЯЛТЫНИК С. Ф. — солист 37. ЕРШОВА Л. 38. СКОЛОВЕВ А. И. — солист 39. КАШМАН Д. С. — солист 		<p>УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ ИСПОЛНОМА ЛЕНГОРСОВЕТА И ЛЕНИНГРАДСКИЙ КОМИТЕТ ПО РАДИОВЕЩАНИЮ</p> <p>БОЛЬШОЙ ЗАЛ ФИЛАРМОНИИ</p> <p>„Нашей борьбе с фашизмом, нашей грядущей победе над врагом, моему родному городу — Ленинграду я посвящаю свою 7-ую симфонию“.</p> <p>Д. ШОСТАКОВИЧ</p> <p>Ц. О. „Правда“ № 88 (8839), 25.11.42.</p>
<p>Гобой</p> <ol style="list-style-type: none"> 40. ШАХ Е. Л. — солист 41. МАТКОС К. М. 42. ПЕТРОВА В. К. — солист <p>Кларнеты</p> <ol style="list-style-type: none"> 43. СЕРГЕЕВ Г. А. — солист 44. ВАСИЛЬЕВ М. В. 45. ФАДЕЕВ И. С. 46. СТЕПАНОВ К. К. 47. БАСТРИШВИЛИ А. С. — солист <p>Фаготы</p> <ol style="list-style-type: none"> 48. МЕДВЕДЕВ Г. С. — солист 49. БРОММЛЕТ Г. С. 50. КУРТАНСКИЙ А. И. <p>Волторы</p> <ol style="list-style-type: none"> 51. ПУЛСКИЙ И. М. — солист 52. ФЕДОРОВ Н. И. 53. СРЕХОВ П. А. 54. МАТОРИЧК И. М. 55. ПЕТРОВ В. А. 56. ГОРБУЛОВ С. Б. 57. ПАРФЕНОВ М. Т. 58. ПАВЛОВ И. И. 59. КОЛТАНСКИЙ Л. М. <p>Трубы</p> <ol style="list-style-type: none"> 60. ЧУДНЕНКО В. Ф. — солист 61. ТРИСОК П. Е. 62. КЛИМОВ Г. П. 63. СЕНЦЕВ В. П. 64. НОСОВ Н. А. 65. ПОКАЛ А. Ф. 66. ВАХРАМЬЕВ В. А. <p>Тромбоны</p> <ol style="list-style-type: none"> 67. ОРЛОВСКИЙ В. М. — солист 68. СМОЛЧК М. Е. 69. КОВИН В. И. 70. БОГДАНОВ П. В. 71. ВАРЦЕВ И. И. 72. ПЛЕХАНОВ И. И. 73. МАКОВИЧ М. А. <p>Тубы</p> <ol style="list-style-type: none"> 74. ШАСТОВСКИЙ А. И. 75. МЯСЛОВ И. З. <p>Литавры:</p> <ol style="list-style-type: none"> 76. ОСАДЧУК В. Е. — солист <p>Ударные</p> <ol style="list-style-type: none"> 77. ПЕТРОВ А. А. 78. ЧУЛОЖНИН А. И. з. в. р. 79. КОСЛОВ В. М. 80. АЙДАРОВ Ж. К. 		
<p>ДИРИЖЁР — ЭЛИАСБЕРГ И. И. Ассистент дирижёра — АРКИН С. А.</p> <p>Руководители дуэтных оркестров, участвующих в исполнении симфонии: Интендант 1 ранга ГЕИЩАДТ А. М. Интендант 11 ранга МАСЛОВ К. И. Инспектор оркестра — ПРЕССЕР А. Р. Инспектор оркестра — ШЕМЯКИНА О. О.</p>		
<p>СЕДЬМАЯ СИМФОНИЯ Дмитрия ШОСТАКОВИЧА</p> <p>ЛЕНИНГРАД 1942</p>		

Дмитрий Дмитриевич с семьёй. А теперь концерт состоится в родном городе композитора. Возле афиши за столиком сидит исхудавшая женщина, она не полетному тепло одета, видимо, все время зябнет, лицо ее бледно: сказывается длительное голодание. Рядом стоит военный, он покупает программку, которая одновременно является входным билетом.

На первой страничке программы эпитафия: *«Нашей борьбе с фашизмом, нашей грядущей победе над врагом, моему родному городу – Ленинграду я посвящаю свою Седьмую симфонию. Дмитрий Шостакович»*. Билеты расходятся быстро – все стремятся попасть на необычный симфонический концерт, можно сказать, «пир во время чумы».

А кругом война. Ленинградцы пережили самые трагические месяцы морозной зимы 1941–1942 годов. Казалось, что жизнь замерла, но это только казалось, – отрезанный от мира город жил, работал, сопротивлялся... Именно в это время рождалось музыкальное произведение, в котором композитор поведал миру о славе Ленинграда, о мужестве его защитников, о единстве всей страны.

Музыкант, композитор, педагог Д.Д. Шостакович родился 25 сентября 1906 г. в Петербурге. Среди созданных им 15 симфоний, знаменитая Седьмая, написанная в блокадном 1941, принесла наибольшую известность. В период 1943–1948 гг. композитор преподавал в Московской консерватории. Умер 9 августа 1975 г. в Москве, похоронен на Новодевичьем кладбище.

В первые месяцы войны композитор жил в здании консерватории на казарменном положении – как боец противопожарной команды. Вместе со всеми копал проти-

вотанковые рвы, по ночам дежурил на чердаках и крышах, спасая город от зажигательных бомб, откапывал людей, погребенных под обломками разрушенных зданий, тушил пожары, как и все – голодал. Именно в это время рождалась симфония, которую называют Эльбрусом музыкального творчества. В то же время он делал аранжировки для концертных бригад, отправлявшихся в действующую армию. К концу сентября Шостакович закончил первые три части произведения и показал друзьям, те были потрясены мощью произведения.

1 октября 1941 по специальному распоряжению властей Дмитрия Дмитриевича вместе с женой и двумя детьми Галиной и Максимом самолетом переправили в Москву. В дороге он потерял рукопись симфонии. К счастью, на вокзале был найден тюк с вещами, в котором она была упакована. Семья отправилась дальше на восток. Шостакович остановился в Куйбышеве (Самара). Здесь базировался Большой театр, было много знакомых, которые на первое время приняли композитора у себя. А потом ему дали квартиру. Сюда поставили роль, переданный местной музыкальной школой.

Работалось тяжело: долго не давался финал. Да и как написать музыку всепобеждающего мужества, героической победы, когда до неё было так далеко! В это время решалась судьба Москвы, было сложно представить себе торжественный апофеоз. Не давала покоя и тревога за мать с сестрой, которые не захотели оставлять родной Ленинград.

27 декабря 1941 года Седьмая симфония была закончена, композитор назвал её Ленинградской. Шостаковичу хотелось, чтобы её исполнил оркестр Ленинградской Филармонии под управлением Мравинского. Но тот был в эвакуации. Премьера состоялась в Куйбышеве (Самаре) 5 марта

1942 года. Играл оркестр Большого театра под управлением Самуила Самосуда. Трансляция шла на всю страну и начиналась словами: «Говорит Москва, говорит Москва», хотя передача велась из Куйбышева. 29 марта состоялась премьера в Москве. Симфония прозвучала в других городах страны и за рубежом, она стала символом величия русского духа.

Сотрудники ленинградского Радиокomiteта слушали трансляцию симфонии из Москвы, у них родилось желание исполнить симфонию в Ленинграде. Об этом мечтал и сам композитор. И тогда Ольгу Берггольц отправили в Москву за партитурой Седьмой симфонии. 2 июля 1942 года двадцатилетний летчик лейтенант Литвинов под огнем немецких зениток доставил в блокадный город медикаменты и четыре нотные тетради с партитурой. Герой-лётчик вел свою машину, словно от этих нот зависела жизнь блокадников. Он знал, что в этом «грузе» люди нуждаются не меньше, чем в оружии и хлебе. На аэродроме их уже ждали, везли ноты, как величайшую драгоценность.

Исполнение симфонии требовало большого состава исполнителей, но где их взять? Все оркестры были эвакуированы, оставался оркестр Радиокomiteта, но ряды его значительно поредели: кто на фронте, кто-то умер от голода (26 музыкантов этого оркестра погибли за время блокады), кто-то ослаб и не мог двигаться. В марте 1942 года на первую репетицию пришло 15 человек из ста пяти. Стало понятно, что с ними симфонию не сыграть. Музыкантов стали искать на фронтах, в окопах и блиндажах и самолётами доставлять в Ленинград. Репетиции начались: по пять-шесть часов утром и вечером. Артистам выдали специальные пропуска, разрешавшие хождение по ночному Ленинграду, для них открыли столовую, все они получили продуктовые карточки первой категории. Первые репетиции начались в малой студии Радиокomiteта. Топилась печка-буржуйка, было дымно. Как вспоминала Ольга Берггольц: – «музыканты были исхудавшие, походили на беженцев. Дирижер был в шапке – ушанке и меховых варежках. Трудно было поверить, что эти люди – оркестр».

Была весна 1942 года. В Пушкинском театре, уцелевшем от бомбёжек, зазвучала симфоническая музыка, оркестр вспомнил ранее сыгранные произведения. В зале было холодно, все сидели в пальто. А оркестранты – в концертных костюмах. Потом концерты проходили каждое воскресенье. В это же время дирижёр К.И. Элиасберг работал с оркестром над Ленинградской симфонией.

И вот наступил день премьеры Седьмой симфонии, её исполняли в зале Филармонии 9 августа 1942 года, шёл 355-й день ленинградской блокады. Это был тот самый день, когда по планам немецкого командования вражеские войска должны были победоносно войти в город, они заготовили пригласительные билеты на банкет в ресторан «Астория». Но вместо банкета страна слушала трансляцию симфонии. На удивление, белоколонный зал Филармонии не тронули

ни авиабомбы, ни артиллерийские снаряды, хотя город лежат в руинах. Публика самая разная: простые граждане, военные, партийные руководители. У некоторых зрителей в руках автоматы, значит, с передовой. Другие пришли пешком, укрываясь под стенами домов от артобстрела. Многие от истощения двигаются медленно, но на всех лицах – праздничное волнение. К сожалению, рассмотреть эту радость сложно: до наших дней дошла фотография плохого качества. Остались только воспоминания.

И вот на сцене симфонический оркестр в полном составе. Последним выходит дирижёр. Он очень слаб и бледен, но одет подчеркнуто тщательно: черный фрак, белоснежная манишка – это Карл Ильич Элиасберг. Чтобы выйти сегодня на сцену, его целый месяц лечили от дистрофии в госпитале. Многие его хорошо знают и встречают аплодисментами. Взмах дирижерской палочки, – и над залом поплыли первые звуки музыки... Симфония звучала 75 минут и потрясла слушателей бурей эмоций и правдой. Этот концерт вошел в историю! Композитор Хренников тогда сказал: «...Шостакович ушел в бессмертие».

Но почему ни одного бомбового удара вражеских самолётов, ни одного снаряда зенитки? Ведь фашисты прекрасно знали о премьерe. Оказалось, что перед началом концерта Командующий Ленинградским фронтом генерал Армии Л.А. Говоров приказал огнем батареями 42-й армии предупредить вражеский обстрел. Операция называлась «Шквал». А на Пулковских высотах в это время рядовой Николай Савков занял своё место у орудия. Как вспоминал солдат, – он не знал ни одного из музыкантов оркестра, но понимал, что сейчас они будут работать вместе. На головы фашистов свалился такой шквал огня, что им было не до стрельбы. Генерал Говоров после концерта сказал дирижеру: – «А мы для Вас сегодня тоже славно поработали».

Концерт из зала Филармонии транслировали по радио через громкоговорители на улицах города, а перед его началом диктор торжественно зачитал текст, в котором говорилось, что «само исполнение Седьмой симфонии в осажденном Ленинграде – это свидетельство неистребимого патриотического духа ленинградцев, их стойкости и веры в победу». В зале звучала музыка, а в это время по всей нашей многострадальной стране шли ожесточённые бои. Слышали концерт не только жители города, но и немцы. Позже двое туристов из ГДР, разыскавшие Элиасберга, признались ему: «Тогда, 9 августа 1942 г., мы поняли, что проиграем войну. Мы ощутили вашу силу, способную преодолеть голод, страх и даже смерть...»

В первой части симфонии спокойный голос оркестра ведёт раздольный рассказ о радости мирной жизни, звучит детский смех, люди уверены в завтрашнем дне. Зрители в концертном зале плачут от воспоминаний о прошлой жизни, от которой не осталось и следа. Но вот музыка меняется, – она звучит нежно, задушевно, успокаивает, как ласковая колыбельная. И вдруг пробивается постукивание, ритмичные шаги приближающейся трагедии. В музыку вползает отвратительно уродливая тема. Еще не понятно, что происходит, но слушатели уже насторожились. Тревога надвигается, разрастается, она звучит громче, ближе, все страшнее и ужаснее, это война. Неприятно лязгающая музыка грохочущих танков сменяется монотонным стуком ленинградского метронома. И снова гром разрушения. Слышатся стоны, крики, скрежет железа, автоматная очередь, взрывы снарядов. Всё ближе бесконечные полчища беспощадного врага. На лицах слушателей нестерпимая боль, зал сотрясает ненависть, хочется броситься на это чудовище и остановить его!

И вдруг прорываются гневно протестующие звуки. Они перекрывают грохот разрушения, ломают железный строй неприятеля.

Ритмичная поступь вражеского нашествия наталкивается на яростное сопротивление. И враг уже не кажется таким весильным, железная поступь даёт сбой. Вновь звучит первая тема симфонии, но теперь она не лучезарно весёлая, а горестная и гневно протестующая. И вот уже перед нами картина разрушенных войной городов, сожжённых полей, погибших людей. Это траурный рекевием павшим. Спокойная, светлая колыбельная теперь оборачивается скорбным похоронным маршем. Музыка вызывает гнев, желание отомстить. «...Люди чтят память героев, – так объясняет Шостакович этот эпизод. – Сначала мне очень хотелось, чтобы здесь были слова. Я чуть было сам не начал писать их. Потом обошелся без текста и рад этому. Музыка выражает всё это сильнее».

В концертном зале раздаются рыдания: слишком свежи раны. Сурово слушают военные, как будто дают клятву: беспощадно бить врага! Но опять слышится дробь барабанов, напоминая, что еще рано успокаиваться, что за стенами зала грохочет канонада и льется кровь, что идет война и для победы понадобятся силы. Слушатели распрямляют плечи, поднимают головы, глаза горят яростной решимостью, они чувствуют, как симфония гнева и борьбы наполняют их новой силой.

Заключительная часть симфонии о будущем. Под мирным небом вы покачиваетесь на лазурных волнах океана, не можете надышаться свежим воздухом горных вершин, ярким светом радости устремляться ввысь. Концерт окончен. Зал разрывают бурные овации.

С осени 1942 года начался победный марш Седьмой симфонии по городам Советской страны. Вскоре из-за рубежа стали поступать просьбы выслать партитуру. Между крупнейшими оркестрами мира разгорелось соперничество за право первого исполнения симфонии. Выбор Шостаковича пал на Тосканини. Через мир, охваченный огнем войны, в США полетел самолет с драгоценными микропленками. 19 июля 1942 года Седьмая симфония была исполнена в Нью-Йорке, затем произведение прозвучало в Англии. Только в первый сезон она была сыграна 62 раза! Началось триумфальное шествие героической музыки по земному шару. А был ещё только 1942 год... Впереди – Сталинградская битва, Курская дуга, форсирование Днепра, – впереди была война...

Советский писатель Алексей Толстой в газете «Правда» за 16 февраля 1942 года писал: «Седьмая симфония посвящена торжеству человеческого в человеке... Седьмая симфония возникла из совести русского народа, принявшего без колебания смертный бой с черными

силами. Национален в симфонии сам Шостакович, национальна его русская рассвирепевшая совесть, обрушившая седьмое небо симфонии на головы разрушителей». В этом же 1942 году Правительство СССР наградило Д. Д. Шостаковича Государственной премией.

Силу музыки в Великой войне, её воздействие на дух защитников Родины ощутил поэт-фронтовик Александр Межиров в стихотворении «Музыка» (1964 г.)

*Какая музыка была!
Какая музыка играла,
Когда и души, и тела
Война проклятая попала.*

*Какая музыка во всем,
Всем и для всех – не по ранжиру.
Осylim... Выстоим... Спасем...
Ах, не до жиру – быть бы живу...*

*Солдатам голову кружа,
Трехрядка под накатом бревен
Была нужней для блиндажа,
Чем для Германии Бетховен.*

*И через всю страну струна
Натянутая трепетала,
Когда проклятая война
И души и тела топтала.*

*Стенали яростно, навзрыд,
Одной-единой страсти ради
На полустанке – инвалид,
И Шостакович – в Ленинграде.*

Седьмая симфония Шостаковича, которая приближала победу, и теперь звучит в отечественных и зарубежных концертных залах и кинофильмах, ее исполнение возвращает слушателей к незабываемым годам, ставшим героическими страницами советской и мировой истории.